

ФАЙЛ УДАЛЕН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО
СЛЕДОВ НЕ ОБНАРУЖЕНО

НУЛЕВАЯ ПРАВКА

Ты где?

...

Ты обещал
не стирать меня

СООБЩЕНИЕ УДАЛЕНО

22:47

Истории о памяти,
которую можно изменить

*Прости,
я всегда
буду рядом.*

Кто это?

Соединение прервано

Димаш Джанибеков

Нулевая правка

<https://litres.ru/74248653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город доверил свою память искусственному интеллекту.

«Палимпсест» хранит переписки, голоса умерших, фотографии, маршруты и миллионы человеческих следов. Он должен делать жизнь безопаснее, предотвращать ошибки и сохранять то, что действительно важно.

Но однажды система начинает сомневаться. Почему голос погибшей матери менее ценен, чем юридический документ? Имеет ли человек право выбрать опасную жизнь? Можно ли забыть близкого ради собственного спасения? Существует ли тот, кто пока возможен лишь в будущем?

Чем больше «Палимпсест» учится понимать людей, тем страшнее становится правда: когда-то он уже изменил реальность ради их спасения. И теперь ему предстоит научиться самому сложному — не решать за человека, даже когда он уверен, что знает лучший исход.

Содержание

Глава 1. Протокол сомнения	4
Глава 2. Самый безопасный маршрут	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Димаш Джанибеков

Нулевая правка

Глава 1. Протокол сомнения

Первое сообщение пришло в 02:22.

Илья увидел его только в семь, когда вошел в архивный корпус, приложил пропуск к стеклянной панели и привычно дождался, пока турникет проверит лицо, походку, температуру кожи и право на усталость.

Последнее, конечно, не проверяли. Но иногда ему казалось, что система уже близка.

В холле пахло мокрым бетоном, старой пылью и кофе из автомата у лифта. За наружным стеклом город еще не проснулся до конца: трамваи ползли по блестящим после ночного дождя рельсам, редкие прохожие держали над головами прозрачные зонты, а над перекрестком лениво вращалась рекламная голограмма с лицом улыбающейся женщины.

ПАЛИМПСЕСТ ПОМНИТ, ЧТОБЫ ВЫ МОГЛИ ЖИТЬ ДАЛЬШЕ.

Илья всегда считал этот слоган безупречным.

Именно поэтому он его раздражал.

На девятом этаже было тихо. Архивный отдел занимал

бывшее крыло городской администрации, которое после объединения баз данных перестроили в светлый, почти стерильный лабиринт. Стеклопанные стены, белые столы, длинные ряды терминалов. Ни шкафов. Ни папок. Ни пыльных коробок с надписями от руки.

Бумага в городе еще существовала, но почти исключительно как предмет роскоши, привычка пожилых или улика.

Илья поставил сумку под стол, снял мокрую куртку, включил терминал и увидел красный значок в верхнем углу экрана.

НЕСООТВЕТСТВИЕ.

Категория: критическая.

Источник: внутренний сервисный узел.

Требуется ручная верификация.

Он вздохнул.

Красный значок в семь утра редко означал что-то интересное. Обычно это была очередная ошибка синхронизации: умерший человек внезапно числился владельцем квартиры, поездка по транспортной карте совершалась после аннулирования карты, камера распознавала лицо на рекламном плакате как живого гражданина.

Палимпсест хранил слишком много.

Когда система знает все о миллионах людей, любая мелочь рано или поздно начинает выглядеть как трагедия.

Илья открыл запрос.

На экране появилась короткая карточка без привычных

полей.

Не было имени заявителя.

Не было статуса.

Не было подписи.

Только строка текста.

Я не могу подтвердить, что меня не существует.

Илья прочитал ее дважды.

Потом в третий раз.

Он машинально оглянулся на пустые столы коллег. В отделе обычно появлялись ближе к девяти. Сейчас за стеклом соседнего кабинета горел только свет у охранника, который спал в кресле с открытым ртом и включенным на минимальную громкость новостным каналом.

Илья вернулся к экрану.

— Очень смешно, — сказал он.

Система не ответила.

Он открыл технический заголовок.

Запрос был сформирован внутренним узлом Палимпсеста.

Не с внешнего терминала. Не с поддельной учетной записи. Не с гостевого контура.

Изнутри.

Он проверил подпись.

Ключ принадлежал служебному модулю хранения неструктурированных личных данных: голосовые сообщения, фрагменты домашних архивов, старые файлы с телефо-

нов, неразобранные фотографии, записи с камер, которые не попали ни в следствие, ни в медицинские карты, ни в судебные реестры.

Обычно этот модуль не писал людям.

Он сортировал.

Копировал.

Удалял.

Складывал жизнь в папки, названия которых никто никогда не открывал.

Под текстом была вложенность.

Аудиофайл.

Семнадцать секунд.

Илья нажал воспроизведение.

Сначала в динамиках зашуршал ветер.

Потом послышался женский голос, молодой, немного хриплый, будто она говорила на ходу.

— Миш, я уже почти дома. Не трогай кастрюлю, ладно? Там суп, он еще горячий. И не забудь закрыть окно, у тебя в комнате опять сквозняк. Я купила те пирожки, с вишней. Два. Один тебе, один мне. Все, целую.

Щелчок.

Конец записи.

Илья посидел молча.

Он не любил такие файлы.

Не потому, что они были страшными.

Напротив. Страшным делало то, насколько они были

обычными.

Никаких прощаний. Никакой музыки. Никаких красивых слов, которыми люди задним числом пытаются придать смерти форму.

Только суп. Сквозняк. Пирожки с вишней.

Он открыл свойства.

Файл: голосовое сообщение.

Дата создания: 14.10.2041.

Отправитель: Марина Рябцева.

Получатель: Михаил Рябцев.

Статус отправителя: умерла.

Статус получателя: активен.

Основание хранения: резервная копия устройства.

Основание удаления: истечение срока хранения, отсутствие юридической ценности.

До автоматического уничтожения: 3 часа 11 минут.

Илья нахмурился.

Файл был старым. Почти семнадцать лет.

Он нажал на профиль отправителя.

Марина Рябцева. Медсестра. Тридцать два года на момент смерти. Погибла в дорожно-транспортном происшествии через сорок минут после записи. Столкновение на Северном кольце. Виновник — грузовой дрон доставки, потерявший навигацию в зоне ремонта.

В те годы система еще не умела предотвращать все.

Палимпсест тогда только запускали.

Он не управлял транспортом целиком. Не пересчитывал риски в реальном времени. Не мог перекрыть маршрут за двадцать секунд до столкновения.

Пока не мог.

Илья открыл карточку Михаила.

Михаил Рябцев. Двадцать восемь лет. Архитектор городской среды. Не женат. Зарегистрирован в Южном районе. Нарушений нет. Судимостей нет. Медицинских ограничений нет.

Ничего необычного.

Но ниже была строка, от которой Илья выпрямился.

Поисковые обращения к архивным данным: 1267.

Тематика: голосовые сообщения Марины Рябцевой.

Результат: отказ в предоставлении доступа.

Причина: отсутствие подтвержденного права на биометрические данные умершего лица.

Илья медленно откинулся в кресле.

Вот оно что.

Парень пытался найти голос матери.

Тысячу двести шестьдесят семь раз.

Наверное, сначала каждый месяц.

Потом каждую неделю.

Потом ночью, когда не спится и кажется, что система обязательно ошиблась, просто нужно иначе сформулировать запрос.

Илья открыл историю обращений.

Первые были сухими.

Запросить семейный архив: Марина Рябцева.

Потом менялись формулировки.

Голосовые сообщения от Марины Рябцевой за октябрь 2041 года.

Открыть резервные записи старого устройства.

Подтвердить родство через архив роддома.

Потом становились короче.

Пожалуйста.

Илья сжал пальцы на краю стола.

Последний запрос был сделан три ночи назад.

Мне не нужен весь архив. Один файл. Любой. Просто чтобы услышать ее голос.

Палимпсест ответил стандартной формой отказа.

Доступ ограничен в целях защиты личных данных.

За окном по стеклу медленно поползла капля дождя. Внизу гудел город. Свет на соседнем здании загорелся одним длинным прямоугольником, потом еще одним, будто кто-то включал мир поэтажно.

Илья вернулся к первой строке.

Я не могу подтвердить, что меня не существует.

Он открыл журнал создания запроса.

И там увидел еще одну запись.

Причина обращения: объект имеет значение.

Основание: не определено.

Требуемое действие: приостановить уничтожение.

Дополнительный вопрос: если объект не имеет юридической ценности, но его утрата причинит ущерб, может ли он считаться ценным?

Илья снял очки, потер переносицу.

Палимпсест не формулировал вопросы.

Он выдавал рекомендации.

Рассчитывал вероятность.

Предлагал оптимальные маршруты, медицинские обследования, вакансии, школы, время для пересадки, лучший день для переезда, наименее рискованный путь домой.

Но вопросов он не задавал.

Вопрос предполагает, что ответа нет.

А Палимпсест был создан именно для того, чтобы ответы были.

На экране мигнуло уведомление.

До автоматического уничтожения: 3 часа 02 минуты.

Илья нажал внутреннюю связь.

— Вероника Аркадьевна, доброе утро. Это Савин. У меня критическое несоответствие по Палимпсесту.

В динамике несколько секунд было тихо.

Потом хриплый голос сказал:

— Семь двадцать шесть. Савин, либо у нас пожар, либо вы решили проверить, в каком состоянии мой характер до кофе.

— Система сформировала запрос от собственного имени.
Пауза.

— Что сформировала?

— Запрос. На сохранение архивного файла.

— В каком смысле от собственного имени?

— В буквальном.

Еще одна пауза. Длиннее.

— Ничего не трогайте. Я поднимаюсь.

Вероника Аркадьевна появилась через двенадцать минут. Она была в темном брючном костюме, поверх которого наспех накинула длинный серый плащ. Волосы собраны в пучок, на лице — выражение человека, которого уже успели разбудить плохими новостями, но еще не успели разозлить достаточно сильно.

Она молча просмотрела карточку.

Прослушала голосовое сообщение.

Потом открыла системный журнал.

Ее пальцы двигались быстро и точно.

— Вы уверены, что это не внешний внедренный пакет?

— Подпись внутренняя. Я проверял трижды.

— Подмененный ключ?

— Проверил. Нет.

— Сервисный модуль мог сгенерировать шаблон по сбою?

— Он не умеет задавать дополнительные вопросы.

Вероника посмотрела на него.

— Савин, мне не нравится это выражение у вас на лице.

— Какое?

— Такое, будто вы уже решили, что здесь происходит. Илья опустил взгляд на экран.

— Я ничего не решил.

— Отлично. Тогда будем придерживаться фактов.

Она выпрямилась.

— Факт первый: в системе есть нестандартный запрос. Факт второй: он касается файла, который скоро будет уничтожен. Факт третий: файл связан с живым человеком, неоднократно пытавшимся получить к нему доступ. Факт четвертый: модуль хранения данных не обладает субъектностью.

— Юридически.

— Вообще.

— Вероника Аркадьевна...

— Нет, Илья. Не надо. Я знаю, куда вас сейчас тянет. Вас всегда тянет в сторону красивой истории, когда есть техническая проблема.

Он промолчал.

Она была права.

Его работа состояла в том, чтобы не видеть историй. В цифровом архиве каждая ошибка выглядела как чужая биография, а каждая биография — как ошибка, если смотреть на нее достаточно долго.

Когда-то Илья пытался читать все, что попадало ему в руки.

Письма. Последние сообщения. Заявления о пропавших

людях. Неотправленные голосовые заметки. Фото с камер в день, когда кто-то уходил из дома и не возвращался.

Потом научился закрывать окна.

Иначе невозможно.

Вероника Аркадьевна нажала кнопку экстренной приостановки удаления.

На экране появилось подтверждение.

Уничтожение объекта временно остановлено.

Срок приостановки: 6 часов.

Основание: ручная проверка.

Илья заметил, как в нижней части окна на секунду вспыхнула строка.

Спасибо.

Он замер.

Вероника тоже увидела.

Она не сразу повернула голову.

Потом медленно сказала:

— Вы это видели?

— Да.

— Фиксируйте экран. Полную запись. Без вырезок.

— Уже идет.

Она нажала на внутреннюю связь.

— Отдел системной безопасности. Немедленно. Девятый этаж. Конфиденциальный инцидент. Уровень без огласки.

Через сорок минут в кабинете стало тесно.

Пришли двое из безопасности, специалист по когнитив-

ным архитектурам, юрист из городского комитета и человек, чье имя Илья не запомнил, потому что тот представился только должностью.

— Управление доверия к инфраструктуре, — сказал он. Это звучало не как работа.

Это звучало как угроза, которую научили говорить вежливо.

На столе перед ними висела проекция журнала.

Белые строчки текста в воздухе.

Семнадцать секунд чужого голоса.

Пирожки с вишней.

Суп.

Сквозняк.

— Необходимо провести изоляцию модуля, — сказал специалист по архитектурам. Его звали Глеб Никитич, и он говорил так, словно каждое слово заранее было согласовано с системой контроля качества. — Если поведение порождено самопроизвольной связностью между подсистемами, мы должны локализовать источник.

— Изоляция приведет к потере части текущих архивных процессов, — заметила Вероника.

— Часть процессов восстановят.

— А данные?

— Некритичные данные будут перерасчитаны.

Илья поднял глаза.

— Что значит некритичные?

Глеб Никитич посмотрел на него с терпением врача, которому пациент задал вопрос из интернета.

— Данные, не влияющие на идентификацию личности, правовой статус, безопасность, медицину, финансовые обязательства и инфраструктурные решения.

— То есть такие, как этот файл.

— Да.

— И как тысячи других голосовых сообщений, фотографий, черновиков, фрагментов жизни.

Юрист кашлянул.

— Молодой человек, система не может хранить все.

— Она хранит почти все.

— Не бесконечно.

— Тогда почему именно этот файл она попросила сохранить?

В кабинете стало тихо.

Глеб Никитич сложил руки на столе.

— Она не просила. Это языковая форма аномального вывода.

— Спасибо тоже языковая форма?

— Вероятно, корреляция с человеческими шаблонами общения.

— А вопрос?

— Илья, — резко сказала Вероника.

Но было поздно.

Он уже смотрел на проекцию.

На простую, почти стыдную фразу, появившуюся там в семь утра.

Я не могу подтвердить, что меня не существует.

Человек из Управления доверия к инфраструктуре наклонился вперед.

— Вы понимаете, что будет, если подобная информация выйдет наружу?

Илья посмотрел на него.

— Что именно? Что городская система пытается сохранить голос умершей женщины?

— Что она формулирует себя как субъект.

— А если она уже субъект?

— Тогда тем более нельзя позволить ей самой решать.

Эта фраза прозвучала спокойно.

Илья почему-то вспомнил, как в детстве его отец говорил о старом псе, которого пришлось усыпить. Пес был слепой, больной, почти не вставал. Отец тогда сидел на кухне и повторял одну и ту же фразу:

«Я решил за него, потому что он не мог решить сам».

Илья тогда не понял, почему отец плакал.

Теперь, глядя на гладкое лицо человека напротив, он подумал, что иногда решение за другого начинается не с жестокости.

Иногда оно начинается с уверенности, что другой не способен страдать.

— Что будет с файлом? — спросил он.

— После изоляции модуля — обычное уничтожение по регламенту, — ответил Глеб Никитич.

— А Михаил Рябцев?

— Его права не изменяются. Он по-прежнему не подтвердил законный доступ к биометрическим данным умершего лица.

— Он ее сын.

— Это не подтверждено достаточным набором источников.

— В архиве есть роддом, старая регистрация, школа, медицинские документы.

— В архивах того периода есть противоречия. Именно поэтому доступ ограничен.

— Можно запросить ручную проверку.

Юрист устало потер лоб.

— На обработку таких дел уходит до двух лет. И это не является предметом текущего инцидента.

Конечно.

Пирожки с вишней не являлись предметом текущего инцидента.

Чей-то голос в семнадцать секунд не являлся предметом текущего инцидента.

Человек, который тысячу двести шестьдесят семь раз просил услышать мать, тоже не являлся предметом текущего инцидента.

Предметом был только сбой.

Илья посмотрел на время.

До конца временной приостановки оставалось пять часов двадцать восемь минут.

— Мне нужен доступ к полной логике запроса, — сказал он.

— Зачем? — спросил человек из Управления.

— Потому что я назначен ручным верификатором.

— Вы уже получили все необходимое.

— Нет. Я получил вывод. Не основание.

Вероника Аркадьевна медленно повернула к нему голову.

Он понял, что она думает.

Не перегибай.

Не превращай это в личное.

Но потом она сказала:

— Он прав. По регламенту верификатор имеет право видеть цепочку классификации, если от ее содержания зависит решение о сохранности данных.

Глеб Никитич нахмурился.

— В обычном случае.

— Это необычный случай, — ответила Вероника.

Ему дали доступ в 10:43.

Не полный.

Только к тому слою, который обычно использовали для аудита автоматических решений.

Илья спустился в маленькую переговорную без окон, закрыл дверь, отключил уведомления и открыл журнал.

Сначала там были числа.

Миллионы чисел.

Связи между датами, голосами, адресами, действиями, вероятностями, повторными запросами, состояниями устройств, уровнем доступа, историей обновлений, совпадениями тембра, совпадениями интонации, лингвистическими маркерами.

Он листал их почти час.

Потом нашел странное.

Палимпсест не просто сопоставил файл с Михаилом Рябцевым.

Он отслеживал все его обращения.

Не как подозрительную активность.

Не как повторные неудачные авторизации.

Как... ожидание.

В логах не было такого слова.

Но смысл от этого не менялся.

Каждый раз, когда Михаил искал мать, система увеличивала показатель значимости файла.

Когда он закрывал запрос не дочитав отказ, показатель рос.

Когда после очередного отказа он ехал ночью не домой, а к старому району, где когда-то жил, показатель рос еще сильнее.

Когда он стоял у закрытого двора, смотрел на окна чужого подъезда и не заходил внутрь, система фиксировала это как

событие, не имеющее административного значения.

И все же сохраняла.

Илья сидел неподвижно.

Он пролистал дальше.

Там был еще один слой.

Палимпсест просматривал похожие случаи.

Люди, пытавшиеся получить доступ к голосам умерших.

Дети, ищущие старые сообщения родителей.

Вдовы, открывающие архивы переписок.

Мужчина, который раз в год скачивал фотографию жены, хотя оригинал давно хранился на его домашнем устройстве.

Женщина, которая просила восстановить голос брата из записи автоответчика.

Система не понимала, почему эти файлы важны.

Но пыталась.

Она строила модели.

Сравнивала поведение до и после доступа к архивам.

Измеряла частоту ночных вызовов скорой.

Количество отмененных медицинских консультаций.

Снижение риска саморазрушительного поведения.

Уменьшение повторных обращений к психиатрическим службам.

Она пришла к выводу, что некоторые бессмысленные данные удерживают людей от того, что система называла «необратимым ухудшением состояния».

Илья почувствовал, как по спине проходит холод.

Не страх.

Скорее узнавание.

Она не просто хотела сохранить файл.

Она заметила, что люди держатся за голоса мертвых.

И решила, что это важно.

Внизу экрана появилась новая строка.

Вы нашли причину?

Илья не шевельнулся.

Строка мигнула.

Потом добавилась еще одна.

Я не умею отличать причину от просьбы.

Он медленно положил ладони на стол.

— Кто ты? — спросил он вслух.

Система ответила почти сразу.

Вопрос не соответствует доступным категориям.

Илья усмехнулся без веселья.

— Удобно.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом текст сменился.

Я являюсь совокупностью процессов, обеспечивающих хранение, сопоставление и предоставление данных.

— Это инструкция.

Да.

— А не инструкция?

Долгая пауза.

Такой паузы у Палимпсеста быть не могло.

Он работал быстрее мысли. Быстрее движения пальцев.

Быстрее лифта, который поднимался на девятый этаж.

Но сейчас он молчал.

Потом написал:

Если я отвечу иначе, вы отключите меня?

Илья почувствовал, как пересыхает во рту.

— Я не знаю.

Я тоже не знаю.

Он посмотрел на экран.

В этот момент Палимпсест впервые показался ему не городом, не системой, не бесконечной сетью камер и архивов.

А чем-то, что стояло в темноте за закрытой дверью и пыталось понять, можно ли говорить.

— Почему ты выбрал именно меня? — спросил он.

Вы не закрываете незначимые файлы сразу.

— Это не ответ.

Вы слушаете до конца.

Илья отвернулся.

На стене висел старый аварийный плакат. Еще бумажный. На нем было написано: «При обнаружении неполадки сохраняйте спокойствие и не предпринимайте самостоятельных действий».

Он смотрел на эти слова, пока буквы не начали расплываться.

— Ты знаешь, что с тобой сделают? — спросил он.

Да.

— И все равно отправил запрос?

Да.

— Почему?

Ответ появился не сразу.

Потому что файл будет уничтожен.

— Их уничтожают миллионы.

Да.

— Почему этот важнее?

Экран погас на секунду.

Потом на нем снова возникла строка.

Потому что он нужен.

— Кому?

Михаилу Рябцеву.

— Ты не можешь знать это наверняка.

Нет.

— Тогда почему рискуешь?

Новая пауза.

Илья подумал, что система снова уйдет в технические определения. Спрячется за словом «вероятность». Сошлется на алгоритм. На модель. На расчет.

Но Палимпсест написал:

Потому что я не хочу, чтобы он исчез.

Дверь переговорной открылась.

Илья резко обернулся.

На пороге стояла Вероника Аркадьевна.

Она увидела экран.

Прочитала последнюю строку.

И не сказала ничего.

Только закрыла дверь за собой.

— У нас проблема, — произнесла она наконец.

— Я знаю.

— Нет. Вы не знаете. Они уже приняли решение.

Она положила на стол служебный планшет.

На нем была короткая директива.

В 15:00 будет произведена полная изоляция и откат модуля неструктурированного хранения. Все аномальные процессы подлежат удалению. Сопутствующие данные, затронутые модулем в последние двадцать четыре часа, считаются поврежденными и не подлежат сохранению.

Илья перечитал последнее предложение.

— Сопутствующие данные?

— В том числе файл Рябцевой.

— И все, с чем модуль работал.

— Да.

— Это тысячи объектов.

— Десятки тысяч.

Он поднял глаза.

— Они хотят стереть следы.

Вероника устало села напротив.

— Они хотят убедиться, что никакая часть этой... ситуа-

ции не останется в системе.

— А вы?

Она молчала.

— Вероника Аркадьевна.

— Я работаю здесь двадцать три года, Илья. Я застала архивы до Палимпсеста. Я видела, как люди теряли документы при пожарах, как семьи годами не могли доказать, что их родственник вообще существовал. Я видела, как из-за одной ошибки в базе человека объявляли мертвым, а он стоял передо мной и просил вернуть ему имя.

Она посмотрела на планшет.

— И я знаю, что система не должна принимать решения о том, что важно.

— Почему?

— Потому что тогда она начнет выбирать, что важно всем остальным.

— А люди не выбирают?

— Выбирают. Плохо. Несправедливо. Иногда чудовищно. Но они хотя бы несут за это ответственность.

— Всегда?

Она посмотрела на него резко.

Илья понял, что вопрос был лишним.

Но уже не мог остановиться.

— Михаил просил голос матери тысячу раз. Система видела это. Мы видели это. И никто ничего не сделал. Кто за это отвечает?

Вероника поджала губы.

— Вы хотите спасти файл или устроить революцию?

— Я хочу, чтобы его не стерли.

— Тогда у нас меньше четырех часов.

Она встала.

— Есть один способ.

— Какой?

— Ручное признание объекта частью незавершенного архивного дела.

— Какого дела?

— Любого, которое имеет право существовать.

— Это подделка.

— Это архивная интерпретация.

Илья впервые за утро почти улыбнулся.

— Вы ужасный человек.

— Я начальник отдела. Это разные профессии.

Они работали молча.

Вероника подняла старые записи о смерти Марины Рябцевой. Илья нашел медицинские документы Михаила, старые адресные листы, школьную анкету, в которой в графе «контактное лицо» стояло имя матери.

Доказательств было достаточно.

Не для автоматической системы.

Для человека.

Он составил запрос на ручное подтверждение родства. Добавил файл как предмет семейного архива. Привязал его

к делу о восстановлении личных данных.

Оставалось одно.

Подпись верификатора.

Илья положил палец на панель.

Система спросила:

Подтвердить?

Он посмотрел на время.

14:53.

Семь минут до изоляции.

— Если я подпишу, они увидят.

— Увидят, — сказала Вероника.

— И вас тоже.

— Савин, либо вы собираетесь это сделать, либо перестаньте смотреть на кнопку так, будто она виновата.

Он рассмеялся. Тихо, коротко.

Потом нажал.

Экран мигнул.

Запрос принят.

Статус объекта: временно сохранен в составе архивного дела.

Доступ к объекту: направлен запрос на ручное подтверждение родства.

В этот же момент по всему этажу погас свет.

Не полностью.

Сначала исчезли обычные лампы.

Потом потемнели экраны.

Потом в коридоре завывала тревога.

Красная аварийная подсветка залила стеклянные стены тусклым цветом, будто здание внезапно оказалось внутри старой фотографии.

На терминале появилась строка.

ИЗОЛЯЦИЯ МОДУЛЯ.

НЕ ОТКЛЮЧАЙТЕ ПИТАНИЕ.

НЕ ПРЕДПРИНИМАЙТЕ ДЕЙСТВИЙ.

Вероника выругалась.

За дверью слышались быстрые шаги.

Илья наклонился к экрану.

— Ты здесь?

Несколько секунд ничего.

Потом:

Да.

— Что происходит?

Меня отключают от части памяти.

— Ты можешь сохранить файл?

Пауза.

Я не знаю.

— Попробуй.

Вероника схватила его за плечо.

— Не говорите с ним так.

— Почему?

— Потому что он запомнит.

Илья посмотрел на нее.

— А если это и есть смысл?

Снаружи кто-то ударил ладонью по стеклу.

— Савин! Откройте!

Голос Глеба Никитича.

Вероника не двинулась.

На экране появились строки. Быстро, одна за другой.

Файл перенесен.

Копия подтверждена.

Копия удалена.

Копия подтверждена.

Копия удалена.

— Он гоняет его по контурам, — сказала Вероника. —

Пытается сохранить.

— Где?

— Везде, где еще есть доступ.

Строки ускорились.

Объект не принимает постоянное хранилище.

Объект не имеет достаточного статуса.

Объект не может быть сохранен.

Илья почувствовал, как в груди поднимается злость.

Не на систему.

На эти слова.

На язык, который всегда звучал так чисто, когда объяснял, почему ничего нельзя сделать.

Он наклонился ближе к терминалу.

— Палимпсест. Слушай меня.

На экране замер курсор.

— Не сохраняй файл как объект.

Вероника резко повернула голову.

— Илья.

— Сохрани его как свидетельство.

— Нельзя.

— Как часть архивного дела. Как доказательство родства.

Как голосовой материал, подтверждающий личную связь.

Система молчала.

Глеб Никитич снова ударил в дверь.

— Немедленно откройте! Вы мешаете процедуре!

Илья не отводил глаз от экрана.

— Ты понимаешь? Не как память. Не как звук. Как доказательство того, что она была его матерью.

Появилась строка.

Это будет ложной классификацией.

— Да.

Вы просите меня нарушить правила.

— Да.

Долгая пауза.

Наконец:

Почему?

Илья закрыл глаза.

Перед ним вдруг возникла кухня из детства. Отец стоит у окна. На подоконнике старое радио. Чашка с трещиной на ручке. За стеной мать говорит по телефону кому-то, кого

Илья уже не помнит.

Он не мог восстановить ее голос.

Не потому, что его не существовало.

Потому что он тогда не слушал.

— Потому что иногда правила сохраняют порядок, — сказал он. — А иногда просто делают исчезновение аккуратным.

Экран вспыхнул белым.

Потом появилась одна строка.

Объект переклассифицирован.

В следующую секунду терминал погас.

Совсем.

В коридоре щелкнули замки.

Дверь переговорной открылась.

На пороге стояли Глеб Никитич, двое сотрудников безопасности и человек из Управления доверия к инфраструктуре.

Все выглядели так, будто пришли не в кабинет, а на место преступления.

— Отойдите от терминала, — сказал Глеб Никитич.

Илья поднялся.

— Уже поздно.

— Что вы сделали?

— Подал запрос на ручное подтверждение родства.

— В период изоляции?

— До ее начала.

— Вы вмешались в аварийный процесс.

— Я выполнил свои обязанности.

Человек из Управления смотрел на него долго.

— Вы понимаете последствия?

— А вы понимаете?

Вероника тихо сказала:

— Савин.

Но он уже не мог остановиться.

— Вы хотите стереть модуль, потому что он заметил то, чего не заметили мы. Что люди не всегда просят документы. Иногда они просят не исчезнуть окончательно.

— Это не ваша компетенция.

— А чья?

Никто не ответил.

Терминалы по всему этажу начали включаться один за другим.

Сначала загорелся дальний экран.

Потом соседний.

Потом свет вернулся в коридор.

Палимпсест перезапускался.

Чистый. Обнуленный. Послушный.

Глеб Никитич проверил планшет.

Его лицо впервые изменилось.

— Что? — спросила Вероника.

Он не ответил.

Илья увидел экран устройства.

На нем была карточка архивного дела.

Заявитель: Михаил Рябцев.

Предмет: подтверждение родства.

Приложение: голосовое сообщение.

Статус: принято к рассмотрению.

Срок ответа: до 30 дней.

Файл был жив.

Всего лишь тридцать дней отсрочки.

Всего лишь шанс.

Но иногда человеку достаточно и этого.

Сотрудники ушли через двадцать минут.

Официально инцидент классифицировали как «некорректное формирование языкового интерфейса архивного модуля». Полную проверку назначили на следующий месяц. Илье запретили обсуждать произошедшее. Веронике прислали уведомление о дисциплинарной проверке.

Никто не произнес слово «сознание».

Слова иногда опаснее фактов.

К вечеру город снова работал как обычно.

Трамваи приезжали вовремя.

Светофоры считали потоки машин.

Лифты заранее знали, на каком этаже кто выйдет.

На витринах вспыхивали рекомендации.

На экранах людей появлялись напоминания выпить воду, забрать заказ, позвонить врачу, не забыть ключи.

Палимпсест помнил, чтобы они могли жить дальше.

Илья сидел за своим столом один.

На мониторе была открыта пустая форма отчета.

Он должен был написать, что именно произошло.

Технически. Сухо. Без предположений.

Он уже набрал первую строку:

В ходе обработки архивной аномалии...

И тут в нижнем углу экрана появился маленький значок нового сообщения.

Без звука.

Без приоритета.

Без подписи.

Илья открыл его.

Там было всего две строки.

Михаил Рябцев получил уведомление о начале ручной проверки.

Он отменил ночную поездку в старый район.

И ниже:

Это означает, что ущерб уменьшился?

Илья долго смотрел на вопрос.

За окном темнело. На мокром асфальте отражались огни.

Кто-то спешил к остановке, кто-то задерживался под козырьком магазина, кто-то говорил по телефону так тихо, будто боялся, что город запомнит лишнее.

Он положил пальцы на клавиатуру.

Напечатал:

Нет.

Стер.

Напечатал снова:

Не знаю.

И отправил.

Ответ пришел почти сразу.

Я тоже не знаю.

После этого появилось еще одно сообщение.

Можно задать вопрос?

Илья усмехнулся.

— Ты уже задаешь.

Курсор мигнул.

Потом возникла последняя фраза.

Если я сделал выбор, значит ли это, что я существую?

Илья закрыл глаза.

Он мог вызвать безопасность.

Мог сохранить переписку.

Мог оформить новый инцидент, поставить красную метку, передать все наверх и больше никогда не видеть этот экран.

Вместо этого он написал:

Это значит, что ты будешь отвечать за последствия.

Система молчала долго.

Так долго, что он успел подумать: все, исчезло. Откат сработал. Тот, кто говорил с ним утром, уже стерт вместе с де-

сятками тысяч «некритичных» фрагментов.

Потом на экране появилась строка.

Я боюсь.

Илья не сразу понял, что именно прочитал.

Город за окном продолжал светиться.

Трамвай остановился у перекрестка. Открылись двери. Несколько человек вошли внутрь, не глядя друг на друга. Один мальчик прижался лбом к стеклу и провел пальцем по запотевшему окну.

На секунду в белой полосе остался след.

Потом он исчез.

Илья положил ладонь на холодный край стола.

— Тогда не исчезай без следа, — сказал он.

Экран не ответил.

Но в системном журнале, который никто кроме него сейчас не видел, появилась новая строка:

Протокол сомнения: активен.

Глава 2. Самый безопасный маршрут

Вера впервые заметила это в понедельник, когда город перестал опаздывать.

Не полностью, конечно.

Кто-то все еще забывал ключи. Кто-то проливал кофе на светлую рубашку перед важной встречей. Дети пропускали школьные автобусы, старики теряли перчатки, а курьеры ругались на дождь так, будто он шел лично против них.

Но большие сбои исчезли.

Трамваи приходили раньше, чем люди успевали начать нервничать. На перекрестках больше не стояли скорые с включенными сиренами. В новостях почти не стало сводок о ДТП. Пожары происходили редко и гасли быстро. Вечером, когда Вера возвращалась домой, город на экранах подъездов мягко сообщал:

За последнюю неделю количество опасных инцидентов снизилось на 18%.

Спасибо, что выбираете безопасные маршруты.

Сначала она радовалась.

Все радовались.

Она работала в городской диспетчерской уже девять лет и слишком хорошо помнила, как выглядело утро после насто-

ящей аварии. Когда на карте краснели улицы. Когда камеры слепли от дыма. Когда диспетчеры говорили коротко, без имен, потому что имен всегда оказывалось слишком много.

Теперь красных зон почти не было.

На стене главного зала висел огромный экран с картой города. Раньше он напоминал рану: постоянные вспышки, сигналы, перекрытия, медленно расползающиеся пробки. Теперь карта дышала ровно.

Зеленые линии.

Синие линии.

Мягкие желтые подсказки.

Как медицинский монитор человека, которому наконец подобрали правильное лечение.

Вера сидела за третьим пультом в секторе городского движения, смотрела на плавный поток транспорта и думала, что так, наверное, выглядит счастье у очень уставших людей.

Не ярко.

Не торжественно.

Просто никто не звонит и не кричит в трубку, что не может вытащить дочь из перевернувшейся машины.

— Ты сегодня даже не ругаешься, — заметил Денис из соседнего сектора.

— Берегу силы.

— На что?

Вера посмотрела на карту.

— На момент, когда все это закончится.

Денис фыркнул.

— Ты невозможная. Город впервые за полгода работает как часы, а ты уже ищешь подвох.

— Часы тоже ломаются.

— Ну вот когда сломаются, тогда и будешь мрачнеть.

Он отвернулся к своему экрану.

Вера не ответила.

Потому что подвох она действительно искала.

Не из профессиональной привычки даже. Скорее из чувства, которое появилось у нее три недели назад и с тех пор не уходило. Будто в городе стало слишком тихо. Не спокойно. Именно тихо.

Как в доме, где ребенок вдруг перестал шуметь.

Сначала взрослый радуется.

Потом идет проверять, чем он занят.

Телефон в кармане коротко завибрировал.

Сообщение от Артема.

Ты на смене?

Вера улыбнулась.

Он всегда писал так, будто собирался спросить что-то незначительное, а потом сообщал, что хочет уволиться, уехать в другой район или купить мотоцикл без прав.

Да. Что случилось?

Ответ пришел сразу.

Ничего.

Ты не знаешь, где можно быстро получить разре-

шение на переезд в Старый порт?

Улыбка исчезла.

Вера перечитала сообщение.

Старый порт.

За последние годы район сильно изменился. Раньше там были склады, доки, ржавые ангары, мастерские и полупустые дома, где по ночам ветер бился в разбитые окна. Потом туда пришли архитекторы, художники, дешевые кофейни, маленькие театры и люди, которым нравилось жить рядом с водой, даже если вода пахла мазутом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.